

Гуманизация в сфере образования направлена на формирование личности, развитие способностей человека и его самореализацию, основанных на уважении к человеку и вере в него, на характере взаимодействия с людьми и окружающей средой, т. е. в центре внимания находятся общечеловеческие ценности [4, с. 91].

Культурологическая направленность в практике иноязычного обучения обусловлена концепцией развития вторичной языковой личности, обогащенной культурными и гуманистическими ценностями. Положение о формировании всесторонне развитой личности, развитии ее духовного и нравственного потенциала, культурного уровня и воспитании эстетического вкуса в процессе познания духовных ценностей и приобщения к достижениям мировой и национальной культуры является определяющим: «Результатом познания чужой культуры является общий подъем уровня собственной культуры, развитие ее познавательных способностей, «познавательной гибкости», увеличение диапазона возможностей, диапазона творческого выбора» [5, с. 208].

Все вышесказанное позволяет, на наш взгляд, выразить надежду на высокий потенциал и прекрасную перспективу развития украинско-китайских отношений в сфере образования в русле взаимовыгодных партнерских соглашений на принципах взаимоуважения, толерантности, равенства, межкультурной коммуникации и системы духовно-нравственных ценностей, взаимообогащения в процессе изучения китайской и славянской культур.

Список использованных источников

- 1 Сянжун Чжао. Китай развивается и помогает другим развиваться / Сянжун Чжао // Одесский вестник. – № 50. – Одесса, 2016. – 16 с.
- 2 Одесский университет Мечникова – ВУЗы Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://news.onu.edu.ua/rus/news/single/1119>.
- 3 Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.
- 4 Иванова, С. В. Гуманизация образования: цели, задачи, условия / С. В. Иванова // Ценности и смыслы. – 2010. – № 2. – С. 91–117.
- 5 Лихачев, Д. С. Русская культура / Д. С. Лихачев. – М. : Искусство, 2000. – 440 с.

УДК 378.14.14.(043.3)

Т. Н. Чечко, А. В. Балацун

МЕНТАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЖЕНЩИН В ПАМЯТНИКАХ СЛОВЕСНОСТИ

В статье проанализированы особенности художественного воплощения ментальных свойств восточнославянской женщины в произведениях древнерусской словесности и охарактеризован загадочный трехмерный образ «женщины земной, женщины – “прекрасной дамы” и женщины-феи» на материале китайской литературы.

Дисциплины филологического цикла в стенах педагогического университета являются важнейшим средством воспитания личности через предмет. Использование взаимосвязей между ними, а также преподавание в широком культурологическом аспекте позволяют углубить понимание многих языковых и литературных явлений и постичь глубинные ценности других культур, что обеспечит сформированность целостных представлений и межкультурных ценностных установок. В данном случае мы попытаемся выявить особенности художественного восприятия образа женщины в произведениях древнерусской словесности и раскрыть загадочный трехмерный образ «женщины земной, женщины – “прекрасной дамы”, и женщины-феи» на материале китайской литературы.

«Ментальность есть средство национального самосознания и способ создания традиционной картины мира, коренящиеся в категориях и формах родного языка»; это миросозерцание, «соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [1, с. 148].

На характер поведения и речемышления восточнославянской женщины прямое воздействие оказывают принципы народной этики и эстетики. И, прежде всего, принцип обобщающей идеализации. Восточнославянские женщины – обладательницы особого дара речи, полной поэзии, остроумия, загадок, неуловимых намеков. Их язык отличается высокой духовностью, передаёт идеальные устремления, милосердие и скромность, душевную щедрость. В легендах, былинах, сказках, песнях, других фольклорных жанрах «всякое дело, мысль или слово... окрашены нравственным идеалом. Нет ничего, что не сопрягалось бы с моральным в поведении и мыслях человека... В оценке действия присутствует критерий «хорошо» – «плохо», а в оценке его результата критерий «красиво» – «некрасиво» [1, с. 123].

В «Житии Евфросиньи Полоцкой» все действия главной героини окрашиваются в морально-этические тона. Посвятив свою жизнь делам благочестия, ютясь в келье Полоцкого монастыря, она переводит и переписывает священные книги для приходов, организует два монастыря – женский и мужской. Божественные силы дарят Евфросинье вещие сны, видения. Её нравственная стойкость, скромность и подвижничество получают достойную оценку: «Праведнии бо по смерти живи суть» [2, с. 111].

В «Повести временных лет» красивой и загадочной речью пленяет князя Игоря, перевозя его в лодке, вещая и мудрая Ольга. Она не только преподносит достойный урок убийцам своего мужа, но и «переключивает» (оказывается хитроумнее) самого византийского императора. Своим государственным умом она – задолго до восхождения на киевский престол князя Владимира, внука своего, понимает – без веры в единого Бога невозможно единство славянских племен и единое общеславянское государство; вера греков открывает русичам пути к европейской культуре.

С иным типом повествования – не сюжетным, эпическим, а лирическим, мы имеем дело в плаче Ярославны из «Слова о полку Игореве». Ярославна – подлинно песенная героиня. Она готова полететь чайкой хоть в ад, лишь бы только спасти Игоря. Читая «Слово...» мы оказываемся словно в эпицентре переживаний, нежных, трогательных чувств женщины, теряющей своего близкого. Она не остается наедине со своим горем, а выходит на Путивльский вал, трижды обращается к силам природы: с упреками за поражение мужа – к солнцу и ветру, за помощь – к Днепру. И природа откликается на её призыв, помогает бежать Игорю из плена. Автор плача обходится без «авторских метафор», использует типично народные обороты речи.

Поставленная перед выбором – любимый муж или власть, почести и богатство – рязанская крестьянка Феврония, ставшая женой муромского князя Петра (из «Повести о Петре и Февронии»), без колебания выбирает мужа. И когда приходит пора, умирает вместе с ним, в один день и час. Остроумно и находчиво отводит она предъявляемые ей неисполнимые требования такими же неисполнимыми встречными требованиями. Своей иносказательной, загадочной речью, «странными глаголами» она озадачивает, ставит в тупик своего гостя – посланца князя Петра («сего не вем, что глаголеши... ни единого слова от тебе разумех!»). Устная народная поэзия входит в её речь через загадки – особую опосредованную форму выявления характера этой «мудрой девы».

Через столетие обобщающую идеализацию всё сильнее оттесняет типизирующий способ – с его конкретностью, реалистичностью, психологической достоверностью («Житие протопopa Аввакума»). Создавая образ спутницы своей жизни Марковны, автор представляет ее прежде всего как верную супругу и заботливую мать. В знаменитой сцене жизненная достоверность характеров и обстоятельств достигает наивысшей для средневековой литературы степени.

«Протопопица бедная бредет-бредёт, да и повалится, – кользко гораздо! Я пришёл, – на меня, бедная, пеняет, говоря: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самая смерти!» Она же, вздохня, отвечала: «Добро, Петрович, ино ещё побредем. Аз ты и с детьми благословляю: дерзай проповедати слово божие по-прежнему, а о нас не тужи;

дондеже бог изволит, живём вместе; а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силён Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петрович, – обличай блудную еретическую!» [5, с. 352–365].

Таким образом, отличаясь – в пределах национального типа – характерами, все женщины, о которых речь шла выше, являются воплощением благочестия, силы, красоты и бессмертия все преодолевающей женской любви.

Не менее многогранен и образ китайской женщины, запечатленный в письменных памятниках разных эпох.

Экзотическая красота китайской девушки всегда восхищала и завораживала: невысокая, гибкая, как тростинка, фигура с маленькими, изящными ручками, с тонкой шеей, узкие глаза мерцают загадкой Востока, тонкий стан обвивает легкое платье, из почти прозрачной материи, радужных цветов... Китайские девушки от природы наделены выдержкой, осторожностью, милой застенчивостью, сдержанностью [6].

В древнейшем поэтическом памятнике «Шицзипе» представлены песни, из которых перед читателем предстают различные поэтические образы: девушки, желающей выйти замуж; любовника, очарованного неземной красотой своей милой; покинутой жены, которая в долгом ожидании сетует на свою судьбу; разлученных супругов, страстных любовников [7]. При всем разнообразии лирических песен «Шицзина» можно выделить одну общую для них всех черту: женщина предстает перед нами равноправной личностью, наделенной не только физической красотой, но и высокими нравственными достоинствами («Вышла на небо луна», «Есть у восточных ворот водоем», «Вот из восточных ворот выхожу», «Песня танцора»). В «Шицзине» достаточно развернуто представлены два женских портрета – достойной спутницы своего мужа, и прекрасной девушки-возлюбленной («С супругом вместе встретишь старость ты», «Ты величава собой» и др.). Это поистине гимны радостям любви земной, счастью совместной жизни.

Широко представлено в памятниках китайской словесности и иное восприятие любви – любви-идеала, любви-сна, воспоминания, недоступного в обыденной жизни. Героиней таких произведений нередко оказывалась женщина-фея, наделенная сверхъестественной красотой и могуществом. Образ женщины-феи складывался на основе гимнов различным божествам и духам, отражающих, в первую очередь, отношения между людьми. Божественная любовь духов была подобна земным чувствам: герои гимнов страдают в разлуке, тоскуя о любимых так же, как и люди. Но божественная любовь, перенесенная вновь в мир людей, сохранила свою высшую, божественную сущность – она стала истинным критерием настоящего чувства. Так, в поэмах Сун Юя (290–223 г. до н. э.) «Горы высокие Тянь», «Святая фея» [8, с. 50–70] речь идет о любви святой феи, повелительницы горы Ушань, к удельному князю. Эта любовь-видение воспринимается и князем, и всеми окружающими как величайшая милость, удостоиться которой может далеко не каждый смертный. Женщина и все, что ее окружает, становится предметом эстетического наслаждения, а неземная любовь, как и чудесная природа, – средством вдохновения в мирской суете [8].

Художественные портреты китайских женщин при их внешней легкости, изяществе и покорности содержат глубинную тайну – необъяснимую силу вдохновения и непостижимую силу духа в ее поистине мужественном воплощении. Так, в книгах Древних Од встречается информация о знаменитой Ханьской династии, которая правила Китаем четыреста лет. Среди мудрых правителей упоминается и императрица Люй-Тай-Хоу, известная в истории под именем Гао-Хоу. Жена основателя династии, представительница простого народа, наделена властным, решительным, по праву, императорским характером. По ее приказу были умерщвлены воеводы, которые угрожали целостности империи. Императрица Ту (ум. в 135 г. до Р.Х.) правила Китаем сорок лет и была поклонницей политической философии Лао-Цзы, заповедав наследникам идти путями, указанными философом. Благодаря мудрой государственной политике воздержания от ненужных войн, она, к концу своего долгого царствования, привела Китай в состояние завидного материального благополучия и собрала материальные ресурсы, которые помогли ее внуку Сяо-У-Ди вести политику широких завоеваний и очертить границы тогда уже великой империи. Величие китайских женщин удивительно и в плане

проявления широты таланта. Незаурядным литературным талантом и чертами подлинного государственного гения была наделена и выдающаяся китаянка, императрица У-Чжао (660–705 до Р.Х.). Она правила 45 лет подряд и, после тридцатилетнего царствования, приказала объявить себя не императрицей-регентшей, как считалось по Танской династии, а императором, основателем новой династии Чжоу. У-Чжао вела политику смелых завоеваний и содействовала культурному прогрессу Китая.

Изучение филологических дисциплин в педагогическом вузе не может и не должно быть самоцельным явлением [9, с. 100]. Его необходимо подчинить – начиная с младших курсов – развитию обобщенных, интегрированных знаний и аналитико-синтетических умений в широком культурологическом контексте. Ведь от уровня овладения интегративно-целостными дидактическими единицами – компетенциями – напрямую зависит смысл и результат профессиональной деятельности учителя-словесника в условиях современной школы.

Список использованных источников

- 1 Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В. В. Колесов. – СПб. : Златоуст, 1999. – 368 с.
- 2 Анталогія даўняй беларускай літаратуры XI – першай паловы XVII ст. / НАН Беларусі, Ін-т літаратуры імя Я. Купалы; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – 2-е выд., выпр. – Мінск : Беларуская навука, 2005. – 1015 с.
- 3 Слово о полку Игореве / Вступит. ст., ред. текста, досл. и объяснит. пер. с древнерус., примеч. Д. С. Лихачева; грав. В. А. Фаворского и М. И. Пикова. – М. : Дет. лит., 1986. – 221 с.
- 4 Днепров, В. Д. Проблемы реализма / В. Д. Днепров. – М. : Советский писатель, 1961. – 240 с.
- 5 Древняя русская литература : хрестоматия / сост. Н. И. Прокофьев. – 2-е изд., доп. – М. : Просвещение, 1988. – 429 с.
- 6 Кравцова, М. Е. «Красавица» – женский образ в китайской лирике (поэзия древности и раннего средневековья) / М. Е. Кравцова // Проблема человека в традиционных китайских учениях. – М. : Наука, 1983. – С. 153–162 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.russianshanghai.com/articles/post4777>.
- 7 Васильев, В. П. Очерк истории китайской литературы / В. П. Васильев // Всеобщая история литературы. – СПб., 1880. – 472 с.
- 8 Васильев, Л. С. Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае. – Китай: традиция и современность / Л. С. Васильев. – М., 1976. – 230 с.
- 9 Чечко, Т. Н. Отражение ментальности восточнославянской женщины в слове / Т. Н. Чечко // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте : материалы II Междунар. науч. конф., Могилёв, 30–31 окт. 2009 г. / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилёв, 2010. – С. 97–100.

УДК 778.5(=161.1):778.5(=581)

Чжан Сяохун

О РУССКОЯЗЫЧНОМ КИНО В КИТАЙСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на примере фильма «Он – дракон»)

В статье рассматриваются причины популярности в Китае современных телевизионных сериалов, в которых отражаются русские национальные традиции. Обращается внимание на то, каким образом в телефильмах «работают» голос, текст, изображение и другие способы отражения реальности для удовлетворения визуальных желаний аудитории. На примере фильма «Он – дракон» показано взаимодействие русской и китайской культур.